

УДК: 94 (47)

DOI: 10.25629/НС.2023.08.02

МАНУИЛ ГРЕК И СТАНОВЛЕНИЕ ЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРЫ В СМОЛЕНСКЕ

Бояринов В.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка показать роль высших церковных иерархов в деле становления новой кафедры. Смоленская епископия – пример того, как много зависит от личных качеств правящего архиерея. Грек, искусный дипломат, знаток византийского богослужения, возможный родственник Феодора Продрома – далеко не полный список характеристик первого смоленского епископа Мануила. Будучи мастером политической интриги, он смог добиться высокого назначения. Видимо, его стараниями в Смоленске процветала греческая ученость. В источниках сохранились свидетельства о его ораторской деятельности и певческом мастерстве. По-видимому, именно эти его таланты послужили основанием в пользу его выбора в качестве первого владыки. Рассмотренные в статье факты красноречиво свидетельствуют о том, что Мануил имел исключительный личный авторитет: несмотря на экономическую зависимость от княжеской власти, Мануил принадлежал к числу первых лиц Смоленской земли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мануил, Ростислав Мстиславич, смоленская епископия, история Смоленской земли, Устав Ростислава, подтверждающая грамота Мануила.

Важным элементом церковной организации выступают епископские округа. Епископы были тесно связаны как с податным населением, составлявшим основной костяк приходов, так и с княжеской властью и аристократией. От деятельности правящих архиереев напрямую зависел процесс христианизации местного населения, укрепление государственности.

На примере смоленской епископии рассмотрим процесс развития церковной организации. Цель данной статьи – оценить вклад первого смоленского епископа Мануила (1136/1137 – между 1168 и 1180) в дело становления новой кафедры и степень влияния владыки на внутриполитические процессы в Смоленской земле.

Христианство укоренилось в Смоленской земле на протяжении X–XI вв. Отсутствие в летописях и грамотах смоленской епископии упоминаний о восстаниях против новой веры может свидетельствовать в пользу мирного ее распространения в отличие от Новгорода и Пскова. Уникальным памятником эпохи раннего распространения христианства стала находка археологов в междуречье Каспли и Западной Двины. В одном из курганов была обнаружена цепочка, к которой были привешены *«крест с грубым литым распятием, две ложечки, обломок миндального ореха, зуб мелкого животного»* [24, С. 109]. По мнению Д. В. Валусева, подобные кресты были распространены в X – начале XI вв. в Северной и Западной Европе, и на территории Руси их находят крайне редко [5]. Вместе с этой цепочкой были найдены другие с украшениями в виде фигурок коньков [24, С. 109]. Данные находки – подтверждение феномена «двоеверия», а точнее синкретизма различных религиозных представлений у людей, лишь недавно приобщившихся к христианству.

Значимым событием в духовной жизни Смоленской земли стали трагические события сентября 1015 г., когда недалеко от Смоленска, на Смядыни* был убит сын крестителя Руси –

* Смядынь – торговая пристынь недалеко от Смоленска, впоследствии резиденция смоленских князей.

князь Глеб. Впоследствии на Смядыни появится Борисоглебский монастырь, который со временем стал важной святыней Смоленской земли.

Расцвет политической и духовной жизни Смоленска приходится на время правления Владимира Мономаха, занимавшего смоленский стол в 1073-1078 гг. В последующие времена он также не оставлял город своим вниманием. В 1101 г. для возвышения политической роли Смоленска князь закладывает в городе первую каменную церковь, так называемый Мономахов собор: *«заложил князь Володимиръ Манамахъ Всеволодичъ въ Смоленсѣхъ церковь камену святыа Богородици, епискупію, мѣсяца маіа 2, въ 3 часъ дне»* [20, С. 137]. Сюда была перенесена и семейная реликвия дома Мономашичей – икона Божией Матери «Одигитрия». В иерархическом отношении Смоленская земля подчинялась переяславскому епископу. Переяславским же князем был Владимир Мономах (1094-1113).

Несмотря на эти обстоятельства собственная кафедра возникает в Смоленске позже других крупных центров Руси. Это объясняется прямой взаимосвязью церковных иерархов с сильной княжеской властью. Как только Смоленск заявляет о себе как о новой политической силе, а его князья начинают проводить независимую от Киева политику, встает вопрос и об отдельной епископии. В деле образования новой кафедры всегда были задействованы две силы – княжеская и церковная власти. Большую роль в становлении епископии играли конкретные шаги как светских, так и церковных деятелей.

Источники сохранили детали возникновения смоленской кафедры. Уже упомянутый отрывок про возведение храма Владимиром Мономахом в 1101 г. имеет ремарку *«епискупію»* [20, С. 137]. Данная оговорка в Никоновской летописи породила споры среди историков. Так, П. В. Голубовский видел в этом желание князя Владимира Мономаха устроить отдельную епископию в Смоленске [11, С. 254]. Современная исследовательница Т. Ю. Фомина считает, что, возможно, у князя был такой проект, но он не увенчался успехом, т.к. нет сведений о смоленском епископе в данный период [29, С. 176]. *«Возможно, инициатива Мономаха не нашла поддержки у киевского митрополита Николая, либо не хватило политической воли вывести данную территорию из-под юрисдикции Переяславских владык»* [29, С. 176]. Позволим себе не согласиться с данным утверждением. У Владимира Мономаха политической воли было на порядок больше других князей этого периода. Такое понимание летописи противоречит и указанию в Уставе Ростислава Мстиславича о создании епископии, в котором князь ссылается на желание отца, но не деда: *«по повелению отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ сътворити»* [28, С. 141]. Более того Смоленск подчинялся в церковном отношении Переславлю Южному, который в свою очередь был отчиной князя Владимира Мономаха. Переяславский епископ Ефрем был верным сторонником Мономаха, помогая ему в деле основания новых храмов [5].

Но как же объяснить данное сообщение Никоновской летописи? М. Н. Тихомиров замечает, что в таком виде это известие появилось уже после основания самой епископии [26, С. 355]. По предположению А. А. Шахматова, оно могло появиться только в третьей редакции Повести временных лет 1118 г., в Лаврентьевском и сходных с ним списках оно отсутствует [30, С. 321]. Причем известия, связанные с деятельностью Владимира Мономаха, добавлялись сюда в течение всего XII в. и позже [30, С. XLII]. Я. Н. Щапов, соглашаясь, что *«епискупію»* является позднейшей вставкой, полагал, что данное примечание изначально могло быть сделано рукой церковника на полях в виде глоссы, тем самым обращая внимания, что это не какой-нибудь храм, а именно кафедральный [33, С. 40].

Однако, возможно, здесь сокрыта еще одна деталь. Изначально территория любой кафедры была сопоставима с территорией отдельной земли. В процессе усложнения политической жизни архиерею в возникающих новых крупных центрах своей епископии нужны были свои ставленники – наместники по аналогии с княжескими посадниками. В этой связи можно предположить, что в скором времени за появлением в Смоленске первой каменной церкви могло последовать и назначение сюда наместника от переяславского епископа [21, С. 70]. Глава наместничества возглавлял коллективный орган управления – клирос аналогичный греческому презбитерию [21, С. 70]. Так, в Смоленске возникали предпосылки к появлению уже самостоятельной епископии.

Учреждение смоленской епископии произошло по инициативе смоленского князя Ростислава* (Михаила) Мстиславича (1125-1159) [14, С. 21, 26], в период когда киевским митрополитом был Михаил (1130-1145/47 или 1149). Выделение смоленского диоцеза предполагало дробление одной из крупнейших кафедр – Переяславской. В 1134 г. преставился владыка Маркел (Марк), кафедра в Переяславле стала вакантной. Это был удобный момент для осуществления плана Ростислава Мстиславича.

Процесс учреждения кафедры запечатлен в сохранившемся комплексе грамот, главной из которых выступает Устав Ростислава Мстиславича [28, С. 141-145]. Этим документом князь, в частности, даровал основные права новой церковной организации и выделил источники содержания, так называемую «десятину» от своих доходов.

Епископ создаваемой кафедры должен был заручиться поддержкой как князя, так и митрополита. В ряде случаев между княжеским одобрением и хиротонией могло проходить некоторое время [21, С. 69. Прим. 45]. Поэтому можно говорить о фактическом княжеском назначении и архиерейском рукоположении. Так, по мнению, А. В. Поппэ могло произойти и в Смоленской земле. Уже в 1134 г. пользуясь случаем, Ростислав де-факто поставил Мануила епископом. Этот иерарх и прежде, вероятно, бывал в Смоленске и, возможно, являлся наместником [21, С. 71]. Однако окончательное решение оставалось за митрополитом. Официальной датой основания смоленской епископии, исходя из данных смоленских уставных грамот и летописных известий вслед за такими исследователями как Н. Г. Бережков, А.В. Поппэ, Я. Н. Щапов можно считать март-май 1136 г., учитывая, что летописный год 6645 употреблен в ультрамартовском исчислении [4, С. 50-51; 21, С. 59; 31, С. 137].

Будущий епископ Мануил (1136 - не ранее 1168, до 1180) был наречен в монастыре, скорее всего, в честь одного из трех братьев, персидских мучеников - Мануила, Савла и Исмаила († 362/3) [2, С. 225-226]. Причем примечательно, что именно Мануил, согласно агиографической традиции, был самым смелым и красноречивым из троих, не боялся держать слово перед Юлианом Отступником (361-363) [3, С. 410]. *«Выбор имени на той или другой стадии монашеского посвящения воспринимается, с одной стороны, как метафизическое обновление личности, своего рода перерождение, с другой же стороны, — как средство соотношения этой личности с определенным сакральным образцом»* [27, С. 9]. Монашеское имя как бы детерминировано Божьим промыслом. Поэтому качества святого покровителя под час переходят на «крещенного» монашеской схимой человека. В нашем случае бесстрашие и красноречие персидского мученика в полной мере были присущи и смоленскому архиерею.

Согласно Ипатьевской летописи, епископ Мануил *«пришель изъ Грекъ самъ третии к благолюбивому князю Мъстиславоу»* [19, С. 28]. Мстислав Великий был князем киевским в 1125-1132 гг., а данное сообщение летописи относится к 1136 г. [19, С. 28] Возможно, здесь летописцем допущена ошибка и под Мстиславом стоит иметь в виду князя Ростислава (Михаила) по аналогии с подтверждающей грамотой самого Мануила. Однако, возможно, Мануил прибыл на Русь раньше, в период княжения в Киеве Мстислава Великого, ожидая своего назначения и тогда сообщение летописи верно [16, С. 377]. Упоминание о его происхождении помещено в статью о его поставлении епископом [6].

В скудной на факты биографии владыки есть две интересные детали, которые обращают на себя внимание. Первая деталь – *«в лето 6645 (1136) поставлень бысть скопецъ Мануйло»* [19, С. 28]. Интерпретируя данное известие, Н. А. Мурзакевич заметил, что прибывший из Царьграда Мануил был поставлен епископом, как бы мы сейчас сказали в силу «производительной» необходимости [15, С. 58 Прим. 2.]. Согласно 22 Апостольскому правилу и 1 правилу I Вселенского собора, оскотивший себя не может быть принят в клир [23, С. 53-54]. Однако 21 Апостольское правило допускает возможность поставления епископом оскотенного при условии, что это было с рождения или над ними кто-то учинил такое насилие [23, С. 53-

* Князя крестили в честь архангела Михаила, а родовое княжеское имя он, скорее всего, получил в честь погибшего двоюродного деда – Ростислава Всеволодовича († 1093), также вероятно носившего крестильное имя – Михаил.

54]. По всей видимости, Мануил сделал неплохую карьеру в Византии, о чем косвенно может свидетельствовать упоминание о его «скопчестве». Это точно не было типичным для Руси, но, имело свою традицию среди греческого духовенства. По крайней мере в летописи находим еще одно упоминание вслед за Мануилом о поставлении скопца епископа Феодора на Владимиро-Волынскую кафедру [18, С. 133]. Можно предположить, что таланты Мануила в деле церковного пения, знание греческого языка вкупе с навыками владения византийским политическими приемами перевесили его канонические препятствия для поставления.

Вторая деталь – возможное родство смоленского епископа и византийского поэта и писателя XII в., учителя Анны Комнины Феодора Продрома, которому Мануил мог приходиться дядей. Фигура Федора Продрома, десятки лет прослужившего учителем в Константинополе и при этом с гордостью упоминавшего о своем дяде, проедре земли Русской [14, С. 58], невольно заставляет нас обратиться к Посланию другого представителя Смоленской земли митрополита Климента Смолятича. В нем он говорит, в том числе, и об образовании в Смоленске. В этом отношении примечателен пассаж из Послания, где Климент упоминает некоего Григория в упрек своему оппоненту пресвитеру Фоме: *«Григорей зналь алфу, якоже и ты, и виту подобно, и всю 20 и 4 словесь грамоту. А слышиши ты, ю у мене мужи, имже есмь самовидець, иже может единь реци алфу, не реку, на сто, или двѣстѣ, или триста, или 4-ста, а виту — також»* [22, С. 115]. Уже Е. Е. Голубинский продемонстрировал, что речь здесь идет о так называемой схедеографии [19, С. 28; 10, С. 849-851]*. Последующие исследователи подтверждали эту гипотезу. Учитывая авторитет историка, такая трактовка данного отрывка из Послания Климента Смолятича закрепились в науке, определив пассаж Климента, как нечто уникальное, а потому сомнительное, а для византийской перспективы как бы и вовсе не существенное [14, С. 59]. Между тем в «Алексиаде» дана явна негативная оценка самой схедеографии [1, С. 413].

Надо сказать, что в XII в. регулярное византийское образование могли получать представители разных народов, в том числе и восточные славяне [14, С. 62-64]. Видимо, обучение грамматике являлось едва ли не главным инструментом эллинизации и превращения полуварвара в homo Byzantinus. Выпускники таких школ могли впоследствии сделать карьеру в церкви или на педагогическом поприще. Византия рассматривала воспитанников таких школ как проводников своего влияния на их родине или в каких-то отдаленных краях. И сами они могли преуспеть в карьере вне столицы [14, С. 62-64]. Русь в XII в. была одним из таких отдаленных, но привлекательных мест.

Можно условно прочертить линию, построенную на отождествлении Продрома старшего со смоленским епископом Мануилом, который *«пришель изъ Грекъ самъ третии к благолюбивому князю Мъстиславу»* [19, С. 28]. Возможно, что однокашники или ученики епископского племянника сопровождали своего патрона на Русь, а затем способствовали переезду сюда своих младших товарищей. И если этот гипотетический маршрут имел место быть, то не стоит удивляться, что часть из них осела при дворе князя Изяслава Мстиславича в Киеве, другие, последовав за Мануилом, трудились в Смоленске [14, С. 65].

* Схедеография – раздел курса византийской грамотности, состоящий из особого рода орфографических и словарно-грамматических упражнений на каждую букву алфавита. Говоря о схедеографии, Е. Е. Голубинский делает решительно ничем не подтвержденный вывод, что люди, окружавшие Климента, должны были пользоваться не греческими, а древними славянскими схедеографическими лексиконами, в пользу самого существования которых не приводится о ни одного факта, ни в трудах самого ученого, ни в позднейших исследованиях. Такая трактовка Е. Е. Голубинского представляется особенно сомнительной на фоне того обстоятельства, что алфавит, о котором пишет Климент, безусловно, греческий, как по названиям букв, так и по их количеству (24). «Во всяком случае должно быть читаемо не подлежащим сомнению, что у Климента идет речь о славянском, а не о греческом, языке. Знание греческого языка могло бы более или менее или хотя бы до некоторой степени процветать у нас в период домонгольский только при существовании у нас в этот период настоящего просвещения. Но несомненно, что в продолжение периода у нас его не было: после нашествия Монголов мы не находим у нас никаких его следов; но чтобы, существовав у нас в продолжение двух сот лет с половиной, – считаем с крещения Владимира, оно сразу потом исчезло, это есть великий абсурд...»

В 1136 г. владыка Мануил написал подтверждательную грамоту о своем назначении, что является уникальным явлением для данного периода [29, С. 177]. Я. Н. Щапов полагал, что грамота состоит из основной части, одновременной Уставу Ростислава Мстиславича (до слов: «да будет проклят»), и двух приписок, сделанных между годом смерти митрополита Михаила в 1145 г. (так как он назван в памятнике «святым») и 1150 г., которым датируется последующий текст [33, С. 39]. А. В. Поппэ же доказывал, что вся грамота целиком написана в 1136 г. вместе с Уставом [21, С. 62]*. При сравнении сходных частей Устава Ростислава Мстиславича и подтверждающей грамоты епископа Мануила о «перемыславской опасности» оба эти документа «не повторяют, а восполняют друг друга, сообразуясь со своим положением» [33, С. 62]. По мнению Я. Н. Щапова, грамота, скорее всего, была составлена на греческом и впоследствии переведена на древнерусский [33, С. 43]. Характерной чертой выступает упоминание митрополита Михаила с греческим титулом «кир» (господин) [17, С. 145]. В Уставе же Ростислава Мстиславича непонятно речь идет об отце князя Мстиславе Владимировиче (1125-1132): «*приведох епископа Смоленску, здоумав с людми своими, по повелению отца своего святого, еже хотѣв при животѣ своем сътворити. ино есть здѣ первѣе сего не бывало епископыи. да яз недостойныи, грѣшныи се оуставляю епископыю. о нем же епископу быти живу и с клиросом своим*» [28, С. 141]. Подтвердительной грамотой Мануил делает ряд заявлений. Владыка дополнительно подчеркивает свои законные права на смоленский архиерейский престол. Епископ заявляет о своих высоких покровителях в лице митрополита Михаила и князя Ростислава Мстиславича. Наконец, Мануил следует в русле византийской традиции, прибегая к форме собственноручной верительной грамоте о своем поставлении [7, С. 70].

Почему выбор пал на Мануила? Видимо, на это повлияло множество причин. «Греческое» происхождение, придававшее особый статус его обладателю, могло быть аргументом в пользу отделения Смоленской епископии [29, С. 177]. Кроме того, Мануил не был связан с какими-либо политическими группами, а, значит, мог занимать нейтральную позицию.

Зримым свидетельством управления епископским округом служат найденные в Смоленске печати епископа Мануила с погрудным изображением Божией Матери «Знамение» на одной стороне и греч. надписью: «[Μ]ανου[ήλ] ἐ[πί] τῆς πόλεως [τῆς] Σμολνίσκου» («Мануил, епископ Смоленска») на другой [35, С. 178; 9, С. 179-197]. Это была репрезентация архиерейской власти. Анализ источников, как отмечает П.И. Гайденко, показывает, что «подавляющее число архипастырей дорожили своим священным саном, титулами и знаками отличия», очевидна и «убежденность епископов в обладании апостольской харизмой и властью, воспринятой непосредственно от самого Господа» [8, С. 134, 143].

Реконструировать канонические особенности служения смоленского архипастыря представляется затруднительным. Однако современники отмечали талант Мануила в деле церковного пения: «*тѣвещь гораздый*» [19, С. 28]. Возможно, и службу он совершал на греческом языке. Косвенным подтверждением тому может выступать все та же подтверждательная грамота, которая, скорее всего, была составлена изначально на греческом. Стараниями Мануила и новгородского владыки Нифонта (1130-1156), известного грекофила, на Руси поддерживались традиции богослужения по византийскому обряду [29, С. 177].

Примечательно, что именно греки Манул и Нифонт выступили категорическими противниками поставления митрополитом Климента в 1147 г. без санкции константинопольского патриарха. Климент Смолятич пользовался поддержкой киевского князя Изяслава Мстиславича (1146-1149, 1150, 1151-1154), брата князя Ростислава Мстиславича, тогда как последний был склонен прислушиваться к позиции Мануила. Смоленский архиерей был, наряду с новгородским владыкой Нифонтом, за свою непримиримую позицию в опале у киевского первосвященника: «*иже бе бегал перед Климом*» [19, С. 80]. Его местонахождение в этот период неизвестно. По мнению Я. Н. Щапова, вслед за возвращением Нифонта в 1150 г. на смоленскую кафедру вернулся и Мануил [31, С. 142-146]. Примечательно, что именно в этом году князь Ростислав Мстиславич даровал епископии «холм» [12, С. 146]. Можно предположить, что этим шагом

* Термин «святой» мог применяться и просто к иерарху, не означая, что он канонизирован.

князь как подтверждал свое покровительство опальному епископу, так пытался «задобрить» последнего, чей авторитет в княжестве, видимо, был уже достаточно высоким.

В этой связи интересно, что в Похвале князю Ростиславу под 15 августа (Успение Богородицы) 6658 г. 13 индикта говорится о еще одном примечательном факте. А именно об освящении смоленской кафедральной церкви епископом Мануилом [32, С. 59]. Перед нами сентябрьский, византийский год, что в переводе на современное летоисчисление соответствует 15 августа 1150 г. [32, С. 56; 25, С. 134]. Но ведь Мануил был епископом с 1136 г. и очевидно совершал службы. Действительно, главный смоленский Успенский собор начали строить еще при Владимире Мономахе в 1101 г. Возможно, что Ростислав что-то усовершенствовал в конструкции [25, С. 143]. В любом случае в 1136 г. в нем проходили службы. Но как объяснить столь позднее его освящение? Сравнение разных источников, в том числе археологических свидетельствует о том, что это было повторное освящение [32, С. 56]. Возможно, что храм был осквернен, но кем? Наиболее убедительной, на наш взгляд, является гипотеза Я. Н. Шапова, предположившего, что «осквернение» храма могло произойти в ходе церковно-политической борьбы, связанной с Климентом Смолятичем [31, С. 145]. В годы его архипастырского служения в смоленском соборе находились его ставленники. Когда же Мануил вернулся к управлению своей епископией, видимо, решил переосвятить кафедральный собор, «оскверненный» священниками, не признанного им митрополита [34, С. 281].

В 1155 г., когда власть в Киеве перешла к князю Юрию Владимировичу (1149-1150, 1150-1151, 1155-1157), епископ Мануил вместе с Космой, епископом Полоцким, встречал в Киеве нового митрополита Константина I (1155-1159), поставленного в Константинополе [19, С. 80]. После принимал участие в низложении священников, поставленных рукой Климента Смолятича *«и тако испровергши Климову службу и ставления и створившее божественную службу и благословиши князя Дюргя Володимирича»* [19, С. 80].

В 1158 г., вероятно, под непосредственным влиянием епископа Мануила князь Ростислав Мстиславич, будучи киевским князем, возражал против возвращения Климента Смолятича на митрополию кафедру, на чем настаивал племянник Ростислава Мстислав Изяславич (1158-1159, 1167-1169, 1170). Потом все-таки родственникам удалось уговорить князя согласиться с кандидатурой Климента, но на Русь прибыл новый константинопольский ставленник – Иоанн IV († 1166).

Верный соратник князя, первый епископ Смоленска Мануил также как и Ростислав Мстиславич в последний раз упоминается на страницах летописи под 1167/1168 г. [19, С. 94]. Хотя, видимо, еще какое-то время управлял епископией* [19, С. 123]. Примечательно, что и в Уставе Ростислава Мстиславича и подтвердительной грамоте Мануила содержится проклятие за возможность возвращения Смоленска под юрисдикцию переяславских владык: *«Паки ли приложити кто сию епископию опять къ Переясловстѣи епископы, завистию переступя слово святого митрополита русского Михаила, а разрушити сию епископию Смоленскую, то князь отиметь свое опять»* [28, С. 144]. Такая оговорка была необходима в момент становления кафедр.

Таким образом, благодаря сохранившемуся комплексу актов и летописным свидетельствам открывается яркая картина становления смоленской епископии. Для создания новой церковной организации требовалась воля и усилия как светских, так и церковных властей. В данном случае усилиями князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила в городе появилась независимая кафедра. Несомненно, набирающей силу земле необходима была мощная опора в лице духовной власти, причем «своя». Не каждый князь мог похвастаться, что его стольный город является еще и резиденцией архиерея. В политических вопросах поддержка епископа была крайне важна. Каноническая подчиненность другому княжеству неминуемо ставила смоленского князя в зависимое положение. Епископы как главы отдельных кафедр могли появляться только в политически значимых центрах. Репрезентация их власти отражала возрастающий социально-политический статус владык. Особенности взаимодействия архиереев с княжеской властью напрямую коррелировали со способностями и чертами характера епископа.

* Следующий смоленский епископ, Константин, упоминается под 1180 г.

Фигура епископа Мануила поистине титаническая. Его греческое происхождение, темперамент и умение тонко чувствовать изменчивые придворные настроения предопределили и судьбу возглавляемой им кафедры. Не каждый владыка только что созданной епископии, учитывая подчиненное положение в экономическом отношении, мог себя так смело вести. Видимо, Мануил, владея византийским искусством дипломатии, с легкостью добивался своего, и даже князь прислушивался к его позиции по разным вопросам. Судьба порой преподносила ему неприятные сюрпризы. Однако все испытания он выдерживал с твердостью, а, пожалуй, главным результатом его деятельности стало укрепление позиций епископии в Смоленске.

Важным представляется тот факт, что в составе комплекса грамот об учреждении кафедры присутствует подтверждающая грамота епископа Мануила. Она создана в русле византийской традиции, в форме собственноручной верительной грамоты, что является уникальным для данного периода. Этим он подчеркивал свои права на владычный престол, упоминая высоких покровителей в лице князя и митрополита. Возможный родственник византийского писателя Федора Продрома, решительный противник митрополита Климента, яркий церковный и политический деятель, с чьей позицией был вынужден считаться даже князь – таким вошел в историю первый смоленский епископ Мануил.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анна Комнина Алексиада. Пер. Я. Н. Любарского. М., 1965. 703 с.
2. Архиепископ Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока / по благ. Святейшего патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. М., 1997. Т. III. Святой Восток. Ч. 2-3. 453 с.
3. Афиногенова О. Н. Мануил, Савел и Исмаил // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 43. С. 410-413.
4. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 376 с.
5. Валуев Д. В. Первые века христианства на Смоленской земле. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarch.ru/valuev2.htm> (дата обращения: 21.06.2023).
6. Валуев Д. В. Смоленская епархия в XII-XIII веках [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarch.ru/valuev1.htm> (дата обращения: 22.06.2023).
7. Гайденок П. И. Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси: буллы, верительные документы, сан, титулы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 18 (309). Вып. 56. С. 67-78.
8. Гайденок П.И. Самосознание епископов XI–середины XIII века // Вестник Тверского гос. университета. Серия «История». 2013. Вып. 4. С. 133–149.
9. Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вел. Новг., 2001. Вып.15. С. 179-197 (№ 63Аа).
10. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1901. Т. 1. 1 пол. тома. 966 с.
11. Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. М.: Кучково поле, 2011. 463 с.
12. Жалованная запись смоленского князя Ростислава Мстиславича с датой 1150 г. сентября 30 церкви Богородицы и епископу на земельный участок // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / изд. подг. Я. Н. Щапов; отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 146.
13. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. 740 с.
14. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и Церкви на Руси кон. XII - нач. XIII в. М., 2010. 207 с.
15. Мурзакевич Н. А. История города Смоленска. Смоленск, 2016. 102 с.
16. Печников М. В. Мануил // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 43. С. 377-379.

17. Подтвердительная грамота епископа Мануила // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я. Н. Щапов; отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 145.
18. Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. I (Лаврентьевская летопись). 285 с.
19. Полное собрание русских летописей. СПб., 1845. Т. II (Ипатьевская летопись). 400 с.
20. Полное собрание русских летописей. СПб., 1862. Т. IX (Никоновская летопись). 286 с.
21. Поппэ А. В. Учредительная грамота Смоленской епископии // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 59–71.
22. Послание Климента Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ. Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 118–142.
23. Правила святых апостолъ и Святыхъ отецъ с толкованіями. М.: Паломник, 2000. 626 с.
24. Равдина Т. В. Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988. 146 с.
25. Сумникова Т. А. Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви в кругу смоленских источников XII в. // Восточнославянские языки. Источники их изучения. М., 1973. С. 128–146.
26. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М: Госполитиздат, 1956. 477 с.
27. Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.-СПб., 2017. 344 с.
28. Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я. Н. Щапов; отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 141–145.
29. Фомина Т. Ю. Церковно-политические аспекты истории Смоленской епископии XII–XIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 176–180.
30. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг.: Археогр. комис., 1916. Т. 1. 323 с.
31. Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь на Руси XI—XIV вв. М.: Наука, 1972. 338 с.
32. Щапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 47–59.
33. Щапов Я. Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 37–47.
34. Щапов Я. Н. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. // Новое в археологии: Сб., посвященный 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972. С. 276–282.
35. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. М.: Наука, 1970. Т. I. Печати X – начала XIII в. С. 57, № 63. 328 с.

MANUEL THE GREEK AND THE FORMATION OF THE DIOCESE IN SMOLENSK

Boiarinov V. V.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The article attempts to show the role of the highest church hierarchs in the formation of a new diocese. The Diocese of Smolensk is an example of how much depends on the personal qualities of the ruling bishop. A Greek, a skilled diplomat, a connoisseur of Byzantine worship, a possible relative of Theodore Prodrom, this is not a complete list of characteristics of the first Bishop of Smolensk, Manuel. Being a master of political intrigue, he was able to achieve a high position. Apparently, Greek scholarship flourished in Smolensk. The sources have preserved evidence of his oratorical activity and singing skills, thanks to his efforts. Apparently, it was these talents of his that served as the basis for his choice as the first ruler. The facts considered in the article eloquently indicate that Manuel had exceptional personal authority: despite his economic dependence on the princely power, Manuel belonged to the first persons of the Smolensk land.

KEYWORDS

Manuel, Rostislav Mstislavich, the Diocese of Smolensk, history of the Smolensk land, Rostislav's Charter, Manuel's certificate of confirmation.